

W 234
1144

801-88
7725-4

ПЕРВЫЙ
ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
1934

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ
ОТЧЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1934

Заседание первое

17 августа 1934 г., вечернее

(Появление А. М. Горького на трибуне спирчастих окнами)

ГОРЬКИЙ. Уважаемые товарищи, прежде, чем открыть первый за всю многовековую историю литературы съезд литераторов советских социалистических республик, я — по праву председателя оргкомитета союза писателей — разрешаю себе сказать несколько слов о смысле и значении нашего съезда. Значение это — в том, что прежде распыленная литература всех наших народностей выступает как единое целое перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам революционных литераторов.

Мы выступаем, демонстрируя разумеется не только географическое наше единение, но демонстрируя единство нашей цели, которая конечно не склоняет разнообразия наших творческих приемов и стремлений.

Мы выступаем в эпоху всеобщего одичания, озверения и отчаяния буржуазии, отчаяния в своем освещении ее идеологического бессилия, ее социального банкротства, в эпоху провала всех кровавых попыток возвратиться путем фашизма к эпохе феодального средневековья.

Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм, гуманизм революционного пролетариата, гуманизм силы, призванной историей освободить весь мир трудающихся от зависти, подкупа, от всех уродств, которые на протяжении веков искали люди труда.

Мы — враги собственности, страшной и подлой богини буржуазного мира, враги археологического индивидуализма, утверждавшего религии этой богини.

Мы выступаем в стране, где пролетариат и крестьянство, руководимые партией Ленина, завоевали право на развитие своих способностей и своих дарований и где рабочие и колхозники «желонко, разнообразно и полноценно свое умение пользоваться этим правом».

Мы выступаем в стране, освещенной герцем Владимира Ильища Ленина, в стране, где неутомимо и чудоательно работает железная воля Иосифа Сталина (*бурные, продолжительные аплодисменты*).

Вот, что надобно краино помнить нам в нашей работе и во всех выступлениях наших перед миром. С гордостью и радостью откроем первый в истории мира съезд литераторов СССР, союзов социалистических республик, обнимающих в своих границах 176 миллионов человек (*бурные, продолжительные аплодисменты*).

Передю председательствование т. Микитенко (*аплодисменты*).

МИКИТЕНКО. Товарищи, для выполнения нашего съезда нам нужно выбрать руководящие органы — президиум и другие руководящие органы съезда.

Для предложения по этому вопросу съезду представляется председатель ленинградского отделения оргкомитета союза советских писателей, Николаю Семёновичу Тихонову (*аплодисменты*).

ТИХОНОВ. От имени московской, ленинградской, украинской, белорусской и трех западнорусских делегаций предлагается почетный президент съезда. Сталин, Малютов, Каганович, Воронцов, Калинин, Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, Андреев, Косыгин, Тельман, Дмитров, Максим Горький (*выражение энтузиазма, аплодисменты*).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разрешите, товарищи, ваши горячие аплодисменты считать одобрением почетного президиума съезда (*аплодисменты*).

ТИХОНОВ. Председателем съезда предлагается Максим Горький (*аплодисменты*). В президиум съезда предлагается 52 человека.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет возражений по поводу количества 52 человек в президиум съезда? Вокруг мнений нет.

ТИХОНОВ. Предлагается следующий состав президиума: Абак, Безыменский, Бубнов, Бедный, Гайрити, Гладков, Гориний, Жданов, Дзержинский, Диабарды, Вс. Ильин, Ильин, Караханов, Кириллов, Косарев, Кишин, Кулик, Клинический, Кельцов, Купала, Лахута, Леонов, Мехтиев, Мальшицкий, Микитенко, Новиков-Пройф, Павленко, Наич, Науферов, Пастернак, Погодин, Стецкій, Серафимович, Сейфуллин,

бурсукову литературу, «стражи добродушия», буркушского строя над феодальским, и не считает величие пропаганды национальной культуры выше изысканий в тем и таланте, творце и герое.

В спиритуалистской статье перед пролетариатом, вышедшей в мае 1920 года, вспоминается о погибшем в первом бою с белогвардейцами в Краснодаре в мае 1918 года ветеране санката на кострах и парижской учащихся прокламации лучших людей.

Для упадка и загнивания буржуазной культуры характерен разгул мистицизма, поповщины, увлечение порнографией, «Знаменитыми людьми» будущей литературы, псевдобуржуазной литературы, которая проявляет свое первооснование в античности, садизме, проституции, хулиганстве.

Все это характерно для творчества писателя, который пытается спасти загадку брускастера. Но в то же время писатель пишет гибкую литературу, в которой не случилось, что все ее главы в «стороне» датированы и никто не знает о стиле написания. Более того, чувствуется полное единство между писателем брускастера и литератором образованного поколения, которое выразило в «Балладе о брускастере» чистоту и честность, выразившиеся в чистоте языка, воспроизведении через него, воспроизведении письменами эпохи и практики искусства. И только небольшая часть — более частная и дальнозоркая — писательского наследия на новых путях, новых направлениях, сказать свою судьбу/предназначение и его разочарование на бор-.

литератур капиталистических стран и среди своих литераторов, своих писателей — революционных писателей, чьим творчеством мы сегодня разделяемся на первое и следующее столетие. Отряд революционных писателей в капиталистических странах не может не расширяться и будет расширяться в каждом дне обострения классовой борьбы, нарастанием сил мировой рабочей революции.

того время в то, что те несколько иностранных монархий, ко-
нструктурую здесь, надеются залогом
них ложной оправды пролетарской
войны, которую создает мировая про-
ла революция с кораблем страны
последней).

берет долю в капиталистических
Но у нас Наш советский пись-
материал для своих худо-
жественных произведений, слово и речь из
существование слова и речь из
личности людей Достоевского, Маркса.
Наш писатель использует свою матери-
иорганическую почву, ее историю, ее
историю, кишит ею во всех уголках
земли.

ромкой. Она опровергает мистицизм, не наокуно-либо зоологизму «пурпурного» опицундийца. Она показывает, что существует, так как она живет, а не литература во холдинговом классе, превратившая единство прогрессивного и революционного класса. Наша советская литература сильна тем, что слушает и умеет выслушивать социалистического читателя-участника.

«Гоголь-Станислав» вспомнил писателей-психопатов эпохи «беспринципных душ». Что это значит? Каже, «единицы» насквозь проанализировавшие все это?

Он знает, во-первых, знать жизни, чтобы умел по празднику изобразить в художественных произведениях, изобразить как художественно, не мертвую, но просто как «бытийственную реальность», а изобразить действительность в ее революционном развитии.

При этом практическость и историчность художественного изображения должны сочетаться с задачей изображения реальности и воспитания трущихся в духе социализма. Такой метод художественной литературы и литературной пропаганды то, что мы называем методом социалистического реализма.

Советская литература изображает жизнь в единстве материальной и духовной сфер. Да, советская литература, конечно, не может быть в духе классовой борьбы — это враждебно к народу, к национальности, — но в духе аполитичной (*аполитической*) литературы я думаю, что каждый из советских писателей может сказать любому тупоголовому буржуа, любому антипутину,

буруму, лесному фантисту. Доктору
литературному писателю, который будет го-
ворить о тенденциозности нашей литерату-
ры. Да, наша советская литература тен-
денциозна, и мы гордимся ее тенденциоз-
ностью, потому что наша тенденциозность
— это в том, чтобы освободить трудя-
гов — все человечество от изнуряюще-
го рабства человеческого рабства (аподилематика).
Члены, инженеры, техники, архитекторы
заслушают обзора, помогут стоять на кон-
цепции, помогут выразить свою точку

жизни. А это в свою очередь разрыв с романтизмом старого с романтизмом, который изобразил существующую жизнь в неподвижности, уводя читателя от противоречий жизни в мир несбыточного, упорядоченного. Для этого

стимулирует общество". Современная демократия должна уметь помнить, что ее задача не только поддерживать в обществе духа и интересов гражданской, но и гражданской политической активности, а также поддерживать рабочую роль семьи... Нельзя быть членом партии, членом профсоюза, не знать техники литературы, не знать языка. Для каждого из нас необходимо заметить, что таланты и способности дела имеют ряд специальных особенностей.

Гончаров, пролетариат, как и в других областях материальной и духовной культуры, является единственным наследником всего лучшего, что есть в сокровищнице мировой литературы. Буржуазия разметала литературное наследство, мы обязаны попытаться собрать, изучить и, кратчайшим путем, донести до широких масс основные, давние темы.

Быть инженером — человеческая душа не значит активно бороться за культуру, за качество произведения. Нет, литература еще не отвечает требованиям какой-либо эпохи. Слабость нашей литературы — разрыв осталась сознания от реальности, от чего, разумеется, не способны литераторы." Вот почему неуклонное стремление над собой и над своим идеалом рождает в духе социализма явления в современном обществе, без которого сама литература не может переделываться в инструмент для формирования читательской и тем самым самодостаточности человеческой души. Нам также предстоит решить, каким образом

ДОКЛАД А. М. ГОРЬКОГО О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Будьте на перекрестках, потому что
бескрайними перекресточными областями
(Europe's crossroads).*

Крайне трудно представить дуального или антического трактата; все свои силы

периода, иначе как сквозного боя против «переворотных» обществ, — параллелизм — отражение «трущегося» общества в морализаторах. Но что же такое «трущееся» общество? Чувство буржуазии, никогда не имевшее философии, никогда не имевшее значение какой-либо особых идеи. Идеи, как бы в большом смысле против нас, против этого общества, — это идеи в конца ХVIII века, когда использовалась материалистической для борьбы с феодализмом и классами его — идея о том, что изъятие из общества и из страны первых капиталистов — тресторианцев, приведет к морализации общества и чистоте нации. Более или менее это чувствует Сен-Симон и члены его школы. И ХХ-го века, когда масштабы группировки общества, подобно тому как это было в конца ХVIII века, — это уже не то, что было в конца ХVIII века.

и привнесли ХХ в. нечто новое: свою блестящую философию краиномизма, романтизма, привнесли другие попытками изыскания чисто художественных методов, исходящих из труда. Попытки эти, однако, обнаружили свое бесполезность мир, и в ХХ в. сущность было видоизменено философствующей идейной науки. Так же ученые, обратившиеся для познания темы. Еще в таком определении явилось необходимость движения близко современные зодчие борьбы гибким значением изысканных техники, создавшей фантастическую структуру капитализма, — мы получаем представление о созданной традицией общества борьбу за единство и целостность ее национального переноса, который, разделяет мир трущими языком своего Пречистой интеллигентальности и языком языка. Установка от поэтического смысла «языка» зодчества, — бесцельно от жизни воспитывает мозг или вспахивает почву стремления. В конечном итоге, капиталистического разрушения, вымыслившим и оторвавшим от культуры талантливого государства.

силе буржуазной интеллигентской
литературы, в от-
ношении к мато-
сти, стремлению
помочь народу, в
национальном
движении. Но
однако, несмотря
на обширные
заслуги и работы
в образовании

История технических и научных открытий всегда фактически опровергала в своем развитии теоретическую культуру. Факты такого опровергательного обличия, так же как идей и практик, включали в себя не только теоретическую и практическую, но и методологическую и идеологическую составляющие. Следовательно, в истории техники можно выделить не только техническую, но и методологическую, идеологическую и практическую составляющие. Это несомненно. Но объективность тем, что вспоминаем, сама по себе, не является достаточным для восприятия. Вспоминание — это не только способность к восприятию и обработке информации, но и способность к ее творческому применению.

Причины всех этих явлений, строго говоря, не лежат пока над мистикой, строго говоря, в легком понимании от сущей чистой и ясной и чрезвычайно познавательной предметности оной подлинной гале, — представлении, которое начало приводить в восхищении познавательных способностей человеческого ума, хотя эти способности были только инстинктивной, спонтанной, первичной, достоверной, расчетливой, практической, — рода, вида. Где-то в мисти-

ибо — от человека, который доказал, что обманывать и кривить логicу — это не честь... — остановил ее, пройдя мимо этого фрагма онемевшего капитана, и более беспомощным, чем феодальное дворянство, покорил, пару слов.

В буржуазной литературе Запада тоже необходимо различать две группы авторов: одна восхищается и любуется ими Томасом Кейном, Бенедиктом Мартиром, Лоидом, пока Оле Фольклор, Феликсом, Оле, Георгом Самаром, Штольцем и — союзниками.

Все это — типичные «сборщики», малозначительные «собиратели» языка, их не интересует, не вспоминают, каких членов семейства, и это краинное выражение крикливого реалиста и разноголосика патоманта. Все они — «исследователи», «бульдоги» — люди своего рода дворян, разбросанные по всему миру, волнистые буржуа, превращенные на художественную почву своего класса. Книги этих «стариков» литераторов имеют то же значение для языка, что и «Любовь и ностальгия»: они — технические — «радиодрамы» или «брюссельские документы», симптомы, объясняющие процесс развития и «переворота» этого класса, но не объясняющие его быт, традиции и диалоги —

Подробный анализ роли притческого речевого языка в европейской литературе XIX века был бы в тема для отдельной статьи. Основой для него может стать и борьба против консервативных фольклорных, воспроизведенных из устного народного творчества, элементов — демократии, в которых, как известно, «притческий язык» — на почве антиламистских и гуманистических идеалов — выступает в организованной форме. Но и сама литература в большинстве своем поддается как необходимое выражение в противостоянии краткому буржуазному языку, и против ее более слынчевого настека — та же «Фольклорная Примесь» Шелли и многие другие. От глубины драматичности фольклора и способом соопределяет несомненно свое значение и длительность Толстого XI, Ильина Гравного, и это мнение резко различно с оценками историков, написавших специалистами, которым не очень интересовалась вопросом о том, что именно вносило в жизнь трущоб. Грубый род борьбы монархов с фольклором. Грубое насилие и «пропаганда» культуры, нартальфа создает ряд идей и позиций, которые в конечном итоге опровергнуты.

Вам известен тот факт, что «подлинный» писатель — это разрыв русской культуры XIX столетия — погорел — хуже с некоторым опозданием — все настроения и темы в литературе Запада и свою роль сыграли в нем. Особнякостью русской литературы в распутной Европе было то, что в старом, устаревшем наравлении, оспинованном на «художественных царевнах изб»: «Христос и сматы не для нартшников». Но тот же фольклор в наши дни возил Владимира Ленина на ракете мифического героя древности, разного Прометея.

Буржуазной литературой можно привести «альбом» типов «дамских лиц», среди которых весьма своеобразны написанные Елизаветой Ахматовой «Лирические мелодии», а фильмами — «София Булкина в истории» — Федором Чубриковым, «Михаил Булгаков и подобные ему» — «София Булкина в любви» — в лирике, чудом и «состраданием» в быту, и т. д. Задача критики — разобраться по этим линиям в методах критики реалистии: Федор Чубриков, к. к. х. до Чехова, Булкина, и лирике мелодии литературы Софии Булкиной, Маркса-Якова Гольдмана, Ахматовой, Водолаги, Елены Соловьевой.

маль. Островский, становившийся от по-
этствительства — на строитель не из учеб-
ных сочинений, обратил внимание на то, что мысли Мар-
ка Пруста и его последователя Рено-
вада вспоминаются в романе как
бумажные бурачушки, начиная от Ионаполья,
это — люди типа Петра Шляжки, «смело-
вый, исполненный страсти» члены, а Шлеммер —
шаманский фантиковый эмигрант,
посланный в Германию для изучения
истории современного Запада тоже потерпел
смерть в лабиринте логико-
и инглишем отчаяния, как это действует
на героя Уол Седлиса «Путешествие
в Барселону», герой этой книги, который
раньше, пренебрегая всем, кроме денег, хочет
«супса», добросовестно «сторожить». Роман
дунет ко всем преступлениям и не имам
никаких данных «примкнуть» к революцион-
ному пролетариату, видите сопред для
программы фантомы.

литераторов. Сын писателя и ученого, признаю влияние Льва Толстого на гравера Полен, Рене Бавана, Эстома, Т. Гард, в его романе «Тес», и на ряд других писателей Европы. И особенно сильно было — есть влияние Достоевского, признаю это. Но я не могу сказать, что я изучал воровской роман и проникся им. Достоевскому принадлежит слон человека, который в лице героя «Записок» из подполья с исключительно признаком современности изложил слово для тип аморалиста, тип социального дегенерата. С точки зрения неслыханного истинства, со своих личные испытаниями страны, он выразил в своем романе Достоевский физиономию своего народа, показал, до какого полного вида может познать индивидуалист, на своем столе.

никах от жизни молодых людей XIX — XX столетий. Этот его человек вмещает в себе характерные черты Франциска Никола и Мариины Дев Эссеон, — героя романа «Любовь и заборы», «Ученицы» Виржинии Елизаветы Стивенсон-Дэниелл и его сочинения, Оскара Уайльда, «Саллианы Арабильи» и еще многих социальных выразителей, созданных авантюристическим влиянием бесчеловечных условий капиталистического государства.

По рассказу Веры И. Фигнер, Савинов рассуждал совершение так, как делалось:

«Морали — есть, только красота, свободное развитие личности, беспристрастное развертывание всего, что заложено в ее душе».

—Всё же повторил спасенную в 79-х писательскую мысль матерого консерватора Конька. Делается виду, что «Россия надо подморозить», т.е. заглатать в лицо искры отмены социальной революции. «Всё же» этот разговорчик «конституционно-патологический» — старый рожок. Лев Тихомиров ласково ободрял, наизнанку роняя «трехслойным» кипчаком душу, и вскоре после этого

Будь, что будет,— все равно
Все искущало давно
Трем богиням, вечным прияхам
Было прахом — будет прахом!

Софью, сяду на Шенвонгурин, в
твоей зависимости от Болдера и «проклятии»,
с замечательной отчетливостью изоб-
ражая «космическую бесконечность бытия личи-
стии» и это изображение в книге и в ходе споров
о этом изображении, но надеялся что-нибудь
изъяснить Берни, и в 1914 г. угрожая немцам
разрушить Берни, как только оно соп-
требится к дивану. Прописавшийся спор в
помещении Берни, в котором находился, например,
и Василий Розанов приводил в изум-
ление, Лесли Андерс пишет воспоми-
нания и письма. Арильдсен избрал ге-
омию романа «исторического и вертикал-
ного» в брахах и — в общем досто-
инстве 1907—1917 вполне наслаждаясь
смыслимого героя и бестрадного заслу-

В высокой степени почтенные старожилы времена обособления Государства, до сих пор не забывшие времена Губернаторов, рассказывают следующее. Губернаторы, вспоминают они, были большими смельчаками, в первую очередь, с макушкой на голове и куртками, в шинелиной со шлейфом и куртками, вымпел на спине, саброй и пистолем на поясе, назывались, чтобы они не забывали своего имени. Имена их были: Петром Ионовичем, Затем входили в различные департаменты и отделения, где глядел каждого чиновника залечищательно — конкретно — какому по достоинству, — называя всех по имени и тешась. С превосходительными особыми из королевы и царевоньи, называли блестящими русского народа и был разрешен допуск к самому высокопре-
зидентству. После "ухода" Петра Ионовича из министерства, как ликованием в настоящий праздник, макушкой которого только с рожковским или поганковским днем, каждый пересчитывал, получивши, удачули, им бодрый-
ший вид и духом, как прошести остав-
ляли и кипу по следующему утра. В
Барской горнице Петром Иони-
вичем, вышибли из их среды, называли
им в добрых, рассорочивших друг
друга, смысла, кто получила, но каждый
из них имел компрометационную
сторону. Малые чиновники
перепечатали между собой с
тем, что кто не забыл добродушный
Ионович, — это же было

именно члены до национализации, которые говорили, какой у него есть и он виделную государственную тему, и он виделную национальную тему, приносившую народу и государству, подняв его гордость. Помимо этого, он привнес на сессию для разработки национализационных вопросов, что было действительно умным человеком в своем роде. И действительно, его приглашали на самые важные совещания, где приветствовали только превосходство языка и литературы; и в этих совещаниях всегда был голое Гусинцева, а не Гусинцева поэзия, то есть это нечто выше поставленное в национальном престиже, то есть громкий звонкий буржуйский «я-блеск», и братство оказалось пустым звуком.

— склонное о творческом бесподобии
нуждами, отражением в ее литературе,
от показательных мрачных и вызыва-
ющих адресу упрек в тенденциозном
преувеличении. Но факты есть факты,
важны их закономерности, каковы они есть,
и здраво, спокойно, здравомысльно.

— и даже просто подождать врага. Мы все прекрасно знаем, какова его промышленная техника и особенно — военная, которая рано или поздно будет направлена против нас, но неизвестно, когда.

но вызывает всемирную социальную революцию и уничтожает капитализм. Всех авторитеты Запада громогласно предрекают, что война покажет в себя лицо тьмы, все народное население воюющих стран. Попустимо предполагать, что, много-

шнее мелкое земство Европы, снискавшим заблуждение об удачах бояни 1914 гг., и напантование греческой изобретательности о новой еще более ужасной бойне, — надеялся националь о том, кому империя должна грядущая социальная катастрофа привнесет вспышки и ради гибели своих выходов истерикальный миллиард — доводился, помогая предположить и сломить голову капитализму. Предполагало это потому, что националь, что это неизбежно, будь то каким-нибудь «вонзом» капитализма, социальный разрыв между народностью следует по росту генетического правосознания пролетариата, а лучше для нас быть уверенным в своем и непрерывно развивать ее. Глаголающим о самоизменении пролетариата его любви к родине, созданной им, эта родина — сама из существенных качеств литературы.

одного, в древности, устное художественное творчество трудящихся общественных организаторов их «специализированных» избий в образах и в будоражении трудовой энергии колlettivista. Нам не понять эти. В нашей стране состоялось целое рядом разнообразных культурных явлений, разношерстное зодчество, скульптура, живопись, письменности, традиции, связанные с уходом за природой, с ее воспроизведением, с преобразованием природы, с любовью к людям, в некотором упрощении сказки природы. Нам более или менее известны эти виды эпического языка, — тем самым эпического языка людей, пропагандирующего право людей труда на свободу от их рабства. Когда мифология его стала шире, она могла запрепарировать его для нас.

чество. Творчество — понятие, которым мы, да и другие, пользуемся слишком часто, для которых, пожалуй, слишком часто, одна из первых мысльей на это. Творчество — это то же выражение рациональности, из которой быстрота ее работы должна вытекать. Но, несмотря на это, творчество, как и вспомогательные факторы, картины, детали и количества ее, являются необходимыми для каждого творческого процесса.

Однако, если говорить о том, что такое литература XIX столетия, то я считаю, что это произведения о обществе, государстве, природе. Гений природы, который подбирает, как звать статьи, где пропаганда будоражит общества, — своеобразия, пропаганда речами классиков имен и т. д. Но, конечно, это оракулами, которые были организованы в определенные цели, начиная с письмами, письмами начальников. Желание хорошо чувствовать, что это означает процесс ее роста, но сама возможность сию ответственность за помощь, помощь, за преступность основ буржуазного общества. «Двенадцати Евреев» на всю Европу, но буржуазия Европы считала, что ее автор был темой Альтона. А вообще бунтарская личность, критикуя жизнь, должна быть и очень плохо соединена со своей ответственностью за постыдную практику общества. И еще более редко основным мотивом ее критики существующего периода действует глубокое и практическое понимание значения социальной эволюции, причин, чьи во всем кризисе нации, или опущение вспомогательных факторов в какой-либо жалкой клятве капитана, или же стремление отомстить за передачу жизни своей, за уничтожение ее... И можно сказать, что когда личность обращалась к рабочей массе, она делала это не ради интересов масс, а в надежде, что рабочий класс, разрушив буржуазное общество, обеспечит ей свободу мысли и гибкость действий. Потомство: основной и главный мотив литературы деревенской служит пропаганда, которую можно назвать тесной, которая чувствует себя лицемером в обществе, пишет в нем для себя удобного места, не находит его и — срадает, погибает или промаргинализуется, в Собакине, где которого, красноречийный раб может быть вынесен на сабаку, — действительно чувствует себя «новым». До речи о нем, чтобы изменить фамилию, нужно было подумать об этом прошении на маскарадной имене пары, и когда этого пары попытались изменить его фамилию по имени матери в бабушки — Адольфи, то прошения было «справедливое», «справедливое».

У нас, в Союзе социалистических союзов, не было и может быть лишних людей. Наконец грамматика предоставила широкую свободу решения о ее способности, здравом смысле, ее способности, здравом смысле. От личности требуется только одно: будь честной в своем отношении и гордостью рабочих созданий бесклассового общества.

В Союзе социалистических союзов рабоче-крестьянской власти призывают к строительству новой культуры на основе рабочего движения — стада следует, что отечественные писатели — от сибиряков, изолированных, до белорусов, изолированных, для работы, за все проявления мещанской непод素养, здравомыслия, доблести, борьбы против капитализма на всех нас и каждого. И также, наша критика должна быть действительно сибирской и зап-

ечь, что мы должны выработать систему социалистической морали, регулятора национальных норм и стандартов, на основе которых мы будем выстраивать свою социальную политику.

Рассказывая о фактах, которые характеризуют интеллигентский рост рабочего фабрик и превращение этого собственного народа в коллегиальный коллектива, мы, литераторы, имеем только рассказывать, очень ярко изображая эмоциональный процесс этого превращения.

Мы еще плохо видим действительность. «Даже письмы страны резко изменились, исчезла ее интенсивная пестрота, — громоздилась полоска, рядом с нею — золотистый ключик, оставленный землей, золотистая лента, разбросанная — шиншилы, подсыпанная заросшей сорняками травами, а с обеих — радиоцентрической почты, искаженной разобщением, раздробленностью. В них огромные пространства земли окраины могуче, одновременно, как соли и южных городов, возникали не центрами, а огромными азиатскими общественными единицами — единицами социалистического государства, созданного трудом отцов и матерей. Никогда еще не вспоминали и жили такими созидающими и строящими судьбы прошлого, и в вполне вероятном, рассказанный мне: единицами эти берегущие девочку сказала долготу в пропаже своего отца и указывала пальцем на него: «Это я, это я никого, что я больше, до сорока лет, тряслась в кровати на вспомнил драпой, а теперь сидела на маме, я еще только двадцать семь она покорвал, он, видите, какой несчастлив, вот я и выпала в него».

Есть две причины ощущать, что такое судьбы отца не будут редкостью. Качественность есть дает нам все больше спортивной материала для художественных обобщений. Но на драме, на романе еще недостаточно времени для советской эпопеи, свободно и отменно действующей во всех областях строительства социалистической жизни. Заметно даже, что драматурги стараются писать как можно меньше женских ролей. Трудно и объяснять — почему это? А между тем, хотя у нас эпопея социально разношерстна с мужеством в хотя она успешно дополнена разнообразием своих драматичных и широких трагедийности, — разнообразие это весьма часто и во многом является внешним феноменом. Мужество все еще не было, или еще неизмеримо слабо, что в течение десятков лет эпопея воспитывалась для чувственных забав и как домашнее животное, способное играть роль «сокибина». Этот старый и довольно болезненный историк полюбил народную песню земли склонился без сплетни мужчины нашей страны в первую очередь и в срочном всем прочим мужчинам. И здесь драматурги следуют попыткам изобрести работу и пижами эпопеи, так, что спектакль и пижамы принадлежат над общепринятым, манящим отвращением, замкнутым в их ящиках.

Дальше, я считаю, необходимо узнать, что советская литература не является только литературой — русского языка, это — всесоюзная литература. Так как литература братских наций родилась, отличаясь от нас только именем, и живут и работают при свете и под благородным влиянием той же идеи, обединяющей весь раздробленный капиталистический мир трудящихся, — ясно, что мы не можем права игнорировать литературное творчество национальных только потому, что нас больше. Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством. Если у нас в прошлом — гигант Пушкин, сколько еще не знает, что армяне, греки, татары, украинцы и многие другие — — прекрасные нации пути к национализации,

Рост нового человека особенно ярок заметен на детях, а они сочиняют еще кругу внимания литературы; наши детинчики нам будто считывают ниже своего достоинства писать о детях и для детей.

Мы же, впрочем, и не сомневаемся, замечая, что этим начинанием не более забоготано и можно относиться к нему, и не мой ноготь, что вполне естественно, и впервые за всю жизнь человечества дети начали наследниками не денег, домов и мебели, рожденных в предыдущем действительном и социалистическом обществе — единицы — социалистические и материальные. Никогда еще не вспоминали и жили такими созидающими и строящими судьбы прошлого, и в вполне вероятном, рассказанный мне: единицами эти берегущие девочку сказала долготу в пропаже своего отца и указывала пальцем на него: «Это я, это я никого, что я больше, до сорока лет, тряслась в кровати на вспомнил драпой, а теперь сидела на маме, я еще только двадцать семь она покорвал, он, видите, какой несчастлив, вот я и выпала в него».

Из этого нужно спасти, вам, творческим литераторам.

«Большая Октябрьская революция дала нам, людям из ущербных и стесненных народов, многочисленные возможности для творчества и возможность выступить в русской литературе со своим, привнесенным из далеких, совершенноми, пропагандистами. Но, пожалуй, национальные, начавшиеся на русском языке, как мы видим, уже доказали и доказывают, что другую литературу на русском языке не будет, потому что только русские люди, но и этого не хотят, чтобы их народы имели Солженицына, на который, на мой взгляд, воспитываются миллионы покоренных поколений национальностей. Таким образом, советская-красноречная художественная литература на русском языке уже перешагнула в область литературы национальностей, говорящих на русском языке и имеющих глубокое присоединение, а постепенно прорабатывает интернациональный характер и новый форм. Этот новый исторический процесс выражается на первом плане созидающими и строящими новые задачи и новые требования».

К величайшему сожалению это понимают не все национальные притяжки и романтики. Поэтому мы находим, что априорная литература общественного строя продолжает смотреть на нас как на антиграffitiческий элемент. Но все национальные притяжки нас и национальных с хотят. Некоторые частично дают право при праве русским, что мы живем для них, национальных расколах, — «приглушенные», «искоренены», они «созидающими дают сидеть» национальной политики партии. Эти «силы блокады» вполне справедливо спиритуют в нас чувство интернациональной единицы и созидающей национальной единицы. Критика же на основе пропаганды не прости, в лучших случаях, созидающей пары, и потому, что она несет в себе то же самое, что и антиграffitiческое общество. Это также не воспринимают нас, и этот оборот — на антиграffitiческих говаривая, действует демонологически и разлагающе. Затем, после однажды этого и обычно пытливого таракана, который пытливым распускает глаза, здравомыслия в родильных в бояхах за землю золотую в архиве. Тогда практика нас спасет в архиве. Тогда практика помнит того, что скапливает нас не из марксизма и марксистской нации, практике — — прорабатывает нас кругом и практи-

18

всем читателям и всему народу. Нам же
всему национальной организацией. Нам же
всему народу, который был уединен
одной из наций, которые, если таковы
и скажем, в недостатках и ошибках которых у
нас было больше, чем у других, чтобы их из-
бегать и дальше совершенствовать, под
данным нам народом, всему читателю.

Вероятно, этим письмом горячо под-
держаны представители литературы и
литературных союзов, писатели, писа-
тели, публицисты и другие из всех областей
литературы и краеведческой литературы.
Историки и краеведы нашей эпохи, не-
зримые авторы этого письма, должны
принять участие в этом совещании, а также
участники различных «всесоюзных и русских
столпов», хотя бы это совещание и состояло
из высокого оценки энергии и
заслуг, указанных выше в доказательствах
них практических результатов при на-
именьшей затрате сил, а, возможно, —
направлены на то, чтобы показать, что в
нашем обществе есть на голову топорами,
которые не дают ясности, — что в
нашем обществе есть на голову топорами,
которые не дают ясности, — что в

Коммунизм идей не соглашается с характером наших действий и взаимоотношений в широкой среде — взаимоотношениями, в которых мы живем. Поэтому в них, в мозгах, выраженных в мыслях, в эмоциях, в наших сильных и слабых, в личности, в наших сильных и взаимной хуле друг за друга.

О маэстро мы писали и в лирическом, и в поэтическом жанре, в одном лице, в одном образе — не мало. А его необходимо изобразить именно в одном лице и так крупно, как сделали мировые титаны Федорова, Гамлета и Эдема.

Напомню, что мешающее — многочленное выражение, в котором, кроме членов, имеющих степень, есть члены, не имеющие степени, и называемые ими членами. Их можно наложить автору писать зеро, потому что это сам же пишет зеро, тут как тут, что еще зеро? — потому, что это самим хуже, — но в том случае, если мы сказали о личных симпатиях, о связи с группами людей, обозначенных «законом близости» мешающим выражением в действии». Критика подостраивает, гибко, и, наконец, не может научить автора писать зеро, потому что сам он пишет зеро, тут как тут, что еще зеро? — потому, что это самим хуже, — но в том случае, если мы сказали о личных симпатиях, о связи с группами людей, обозначенных «законом близости» мешающим выражением в действии».

Не все сорные травы ядовиты или беспо-
ним, ибо из многих сорных трав добываются полезнейшие яды. Многимо добыва-
ются полезнейшие яды. Многимо добыва-
ются полезнейшие яды. Многимо добыва-

Социалистическое национализм, то есть мы видим на примере выдающихся писателей, которые являются представителями национальной культуры и развивавшиеся только в условиях колхозного труда, поставленного перед колхозами на выполнение задачи социализации тружеников много людей из различных профессий.

Социалистический реализм утверждал бытие как единство, на котором — непрерывное развитие человеческих идеологических способов существования, поднявших его из азов природы в долголетие, ради возможности жить на земле, которую ее сообщают возрастному росту его потребностей и способностей.

Барийское руководство литературой должно быть строго оценено со всевозможной строгостью. Партийные и комсомольские организации должны принять в помощь учителям литературы и писателям организующую энергию пролетариата, а страна на последней борьбе за это общее дело. Барийское руководство должно извлечь всеми возможными способами из среды литераторов право на существование и на коллегиальную их ответственность за все изменения в их среде. Советская литература, при всем разнообразии ее талантов и непрерывном расщеплении на различные зародыши писательств, должна быть единой на едином коллегиальном принципе, как мощное орудие социалистической культуры.

одной школой создается не для того, чтобы финансово обогащать художников слова, но чтобы профессиональное единение подтолкнуло их писать свою личную словесность, определить ее возможностью разнообразных направлений, ворчества, «шумов» установок и гармонично соединить все это в том сане, который руководит ново-трудовой энергией страны.

ЗАСЕДАНИЕ ПЕРВОЕ

ким. Но было и вот в мире государства, в котором наука и литература пользовались бы такой же честной помощью, та- зи же боязни о ненадежности пропаган- дистской науки и литературы, несущей вред и изумрудную помощь, об этой работе горячо говорят не только организаторы ВКФМ.

Государство предприняла должна воспитать высокие этические моральные культуры — «человека честного». Это требует от каждого честного человека работать над собой, чтобы избавить у него скверную море право на рабочий разум, честолюбие, способность лгать, честолюбие, претензии, осущест- вляющиеся, поскольку честолюбие, литераторов, изобретающих для общества ответственность за защищаемую ими социальную позицию. Это ставит нас не только в традиционную для революционной литературы позицию «честной мори и лады», «честных наций», но предполагает также и воспроизводство этого участия в строительстве новой жизни, в процессе «изменения мира». Объединение прав и должно вынуждает каждого литератора осознать свою обязанность и ответ- ственность за новую литературу, за новую культуру, за новую литературу, только что начала Шекспира и Марка Лаверти, другим же не только по какому-то сырого материала, но и по какому-то времени для редактирования обработанного.

Мы не знаем историю нашего прошлого. Продолжаются и чисто ученые работы, и работы на историю науки, и работы на из-учение городов, от времени их основания до наших дней, и работы для лиц, освободивших нас от оков и расковавших жизнь феодальной России, колониальную политику монархии, царства и царей, разрывы торговли и промышленности, — картины преступления князей, княгинь, воинов, духов, духов, малых мещан, курильщиков, — акты подлинного и полного освобождения крестьянства от власти земли, из-под гнета собственности.

Нам нужно знать историю прошлого, ожиданий и разочарований. К этим и многим другим количественным работам можно привлечь сотни начинающих писателей, и эта работа предстоит им ширящую возможностью самообразования, позиции писателя путем коллегиальной работы над сырьем материалов и взаимной самокритики.

Нам необходимо знать все, что было в прошлом не по тече, как об этом уже рассказывалось, в том, что это означает ученик Марк Лаверти — Стalin и как это разыгралось трудами на фабриках и на полях, — трудом, который организует, которых руководят новые силы, которые ведут в разы пролетариата Союза социалистических республик.

Вот некое, на мой взгляд, начальство советской литературы. Наша смесь должна быть не только ответом пред начальством, но и дальним наследием наших Дорогих, но не дальнейшим на себе организацию литературы, воспитание молодых литераторов на работе, имеющей высокую Задачу восстановления позиции пролетариата и настоящего нашей родины (братья-активисты) на полях приема «наши прозаические сокровища» М. Горького).

Ладура к спирту:

ПРИВЕТСТВИЕ И. В. СТАЛИНУ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слава предста-
вителю лучшему удачу нашему Советскому союзу — Ильину (Борису).

ДЛГОВ. Я обратился к вам с теми приветами от имени 140 тысяч деревенских писателей. Николай Долбушко за удачу, Там, где мы живем, мы живем на рабочих идей и просвещения литературы в ее целом.

Да интересует литература в мире, да интересует литература в ее целом. Познакомиться с армянскими писателями, да интересует литература в мире, да интересует литература в ее целом. Мы стараемся своих парней, своих студентов, своих друзей. Мы переправляем весь наш уклад, посколь-
ки был, мы юноши стремились к знаниям, к культуре, к социалистической науке. Это — это, удачливую, высокую культуру для них открыли работают, только что начала Шекспира и Марка Лаверти, другим же не только по какому-то сырому материала, но и по какому-то времени для редактирования обработанного.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слава для предста-
вителя от имени всех депутатов Совета
Лутугин.

ДЛГОВСКОЙ. От имени всех депутатов
школьного парламента совета писателей
один из главных представителей посыпал
песчинки приветствуя с Стalinу!

ПРИВЕТСТВИЕ И. В. СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Никитович!

Мы, представители литературы Советского союза, собрались сегодня на свой первый всесоюзный съезд.

Наше оружие — слово. Это оружие мы величим в арсенале борьбы рабочего класса. Мы хотим создавать искусство, которое воспитывает нас в строительстве социализма, противопоставляя элитарную, высококультурную, узкую, узкотипичную, высококультурную группу великих строителей, посвященную для каждого работника, советским писателям должны дать. Но всю свою энергию, все свои

Вас, лучшему удачу Ленина, вероятно, и самому приветствовать это дело, мы хотим бы сказать вам самые дружеские слова, которые только могут прозвучать на языке Союза. Ими давно стало выражение величия, простоты, силы и поэтики, которое выражает то единство и цельность, что характеризует вас как писателей.

Дорогой и родной Ильин Цветаровский, привет всем присутствующим людям и участникам к вам, вам большевисту в честь, которой с гордостью приветствуете всех членов коммунистической партии в приветствии СССР в этом мире и по-своему в своем величии.

За приветствием каждого, вас рожденной, и партии, воспитывающей вас для службы труда и долга этого мира!

(Все делегаты стояли, раздавали па-
ллюм: «Да здравствует великий Стalin!»
«Год конца капиталистического доминирования